

не только в масштабе полка, а и выше, и не раз в год, а чаще.

У любого хорошего дела есть один враг. Имя ему — равнодушие. Как ни парадоксально, но именно этим недугом нередко страдает такое живое, творческое дело, как соревнование. Исходит сей губительный микроб от формализма. В самом деле, прикинешь иногда, наблюдая за соревнованием в иной роте, эскадрилье, батальоне: по форме все идет как надо — обязательств, итоги, передовики. А присмотришься — все лишь на

ности. И командира оно касается постольку-поскольку. Отсюда — одни призывы и лозунги.

В том соединении, где я был на учении, политработники жаловались:

— Из округа потребовали сведения о выполнении соцобязательств. Идем к командирам. Те в неведении: идите в штаб. Мы туда. Там разводят руками — еще не проверяли. И вроде намек: не до этого сейчас. Как быть? Составляем так называемые предварительные данные. Но они далеки от ис-

баты. И среди радиотехнических частей развернулось соревнование за внедрение ветровского метода. Даже некогда отставшая рота старшего лейтенанта Бондаренко попыталась новаторское счастье и добилась первого успеха.

Н ОГО из командиров и политработников не волнует проблема отличников? Но кое-где уж слишком низка для них мерка: нет взысканий, трезвенник, мало-мальски знаешь технику — с бором в отличники. А не маловато ли это для настоящего отличника? По этому

РАБОТНИКИ КУЛЬТУРЫ — ВОИНАМ

СВЕРДЛОВСК, 12 января. Здесь проходит месячник шефства работников культуры и искусства над воинами, посвященный 50-летию Советских Вооруженных Сил. В нем принимают участие Уральская государственная консерватория, государственная филармо-

ния, коллективы театров города, писатели, композиторы, художники.

В гостях у воинов Уральского военного округа уже побывали с концертами симфонический оркестр под руководством дирижера заслуженного артиста РСФСР

А. Фридендера, баянисты — лауреаты Всесоюзного и Всеукраинского конкурсов артистов эстрады — И. Шепельский, А. Хужняк и Н. Худяков, эстрадный ансамбль «Телетайп-67» и другие коллективы.

Подполковник Н. ВАВРЕНЧУК.

САМОЕ ПАМЯТНОЕ

СОБРАНИЕ ПОСЛЕ БОЯ

В июне 1944 года в Карелии шли ожесточенные бои. Наш 299-й гвардейский стрелковый полк 98-й гвардейской Свирской стрелковой дивизии, пройдя с боями по труднодоступной болотистой местности, овладел городом Олонец и получил задачу взять населенный пункт Большие Горы.

Разведка доложила, что противник отошел на другую сторону деревни и сосредоточивает там живую силу и технику. Подк занял оборону, но еще не успел окопаться, как противник открыл ураганный огонь из орудий и минометов и перешел в атаку.

В первые же минуты боя с пятой стрелковой ротой нарушилась телефонная связь. Я был в то время командиром взвода связи и принял решение идти на линию сам, взяв с собой рядового Фокина.

Мы спустились с горки и, не доходя до речки, обнаружили обрыв провода. Без особого труда устранили неполадку и двинулись по линии дальше. Вдруг я заметил, что впереди стоит фашист с наведенным на нас автоматом. Реакция была мгновенной. Я прыгнул за куст и выстрелил из автомата. Две очереди слились в одну. Враг упал, как подкошенный. Но пуля его настигла Фокина. Солдат стонал и звал меня. Он был тяжело ранен

в живот. Я положил его на плащ-накидку и стал тащить к своим. Только жить Фокину не пришлось...

Пришел я на КП, доложил обо всем командиру батальона капитану Крайнову.

А бой продолжался. В один из моментов около КП батальона разорвалась мина. Меня отбросило взрывной волной, контузило и ранило в голову осколком. Позже я узнал, что с помощью 298-го гвардейского стрелкового полка противник был уничтожен.

В честь победы гвардейцев населенный пункт Большие Горы был переименован в Гвардейские Горы.

После боя меня принимали в партию. На поляне под огромной сосной собрались члены партбюро. Начальник политотдела майор Петров зачитал мое заявление и спросил: «Какие есть предложения?» Командир полка гвардии подполковник Герасимов сказал: «Предлагаю принять в кандидаты ВКП(б)». И все проголосовало.

Я считаю тот день самым памятным событием в военной и вообще в моей жизни. С тех пор вот уже около четверти века я ношу высокое звание коммуниста.

Капитан Н. АШИХМИН.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Человек и революция, место человека в революции, его личная ответственность за судьбы революции — вот центральная тема московских театров. Какие бы пласты истории ни поднимали драматурги и театры, каких бы героев ни вводили они на сценические подмостки, каких бы проблем истории и жизни ни касались, — главным во всех спектаклях остается исследование пути, приведшего страну и народ к их нынешнему дню, тех нравственных истоков и качеств в человеке, которые подготовили этот сегодняшний день и которые так важны, насущно необходимы для нашего дальнейшего движения вперед.

Достаточно, к примеру, обратиться к таким разным — и по сюжетам и по времени действия — спектаклям, как «Лейтенант Шмидт» в Театре имени М. Н. Ермоловой, «Виранья» у вахтанговцев, «Метель» на пушкинской сцене, «Дым Отечества» в Театре имени Ленинского комсомола, чтобы убедиться в справедливости этого наблюдения.

Они различны между собою, эти спектакли, также и по богатству заключенного в них жизненного содержания, идейной глубине, степени оригинальности и плодотворности тех или иных художественных приемов и решений. И вместе с тем спектакли эти объединяет ясно ощутимое стремление их постановщиков к утверждению правды нашего времени, заключающей в себе идею самоотверженного служения революции. Не отвлеченными, не абстрактными категориями

ВРЕМЯ НА МАРШЕ

определяются масштабы личностей героев, их нравственная сила и красота, а критериями очень точными и конкретными — естественностью и глубиной связей с революцией.

Это вовсе не значит, что путь многих из героев этих спектаклей к революции, к тому, что мысль о служении ей стала для них главной, определяющей все поступки, все взаимоотношения с окружающими, прост и легок. Нет, люди эти сталкиваются порой не только с теми, кто им противостоит, но порой и с самими собой, со своими чувствами и желаниями.

Из истории известно, что мировоззрение лейтенанта Шмидта не отличалось ясностью, что он сам называл себя «социалистом вне партий». Но когда Шмидту пришлось выбирать между чувством к женщине и долгом перед революцией, между личным счастьем и борьбой за счастье народа, он, зная, что жертвует жизнью, все же предпочел последнее. Это, собственно говоря, и составляет основную коллизию спектакля ермоловцев, воссоздающего события 1905 года на Черноморском флоте.

«Документальная драма» — значит в подзаголовке пьесы Д. Самойлова, В. Комиссаржевского и И. Маневича, которая рождалась в самом коллективе ермоловцев. Однако это не пьеса и не драма в обычном их понимании. Здесь — и отрывки из переписки Шмидта с Зинаидой Ивановной Ризберг, которую он любил, и воспоминания и размышления Шмидта в одиночной камере, и подлинные документы эпохи, и некоторые сцены, хотя и

основывающиеся на действительных фактах, но тем не менее рожденные авторской фантазией.

Не пьеса, а, скорее, оратория, она ставится заслуженным деятелем искусств РСФСР В. Комиссаржевским и оформляется В. Лалевиным и Н. Сосуновым вне каких бы то ни было подробностей быта, подчеркнуто условно и обобщенно.

Полагая драматургию основой театра, связывая его самые значительные успехи с пьесами, в которых ошутимы автор, его личность, его взгляд на действительность, а не с теми или иными литературно-сценическими композициями, я не могу одновременно отрицать, что спектакль ермоловцев производит достаточно сильное эмоциональное впечатление. Жаль только, что некоторые эпизоды получились иллюстративными. Такова, например, сцена Зинаиды Ивановны с контуженным, потерявшим на время рассудок штабс-капитаном Неждановым, который именно в эти минуты обличает судей Шмидта. Мысль, которая заключена в этой сцене, так и остается неясной. Вряд ли необходим для развития действия и пространный разговор премьер-министра Витте со своим секретарем, имеющий лишь частное отношение к судьбе Шмидта и никак не укрупняющий масштабы действия, не раздвигающий его рамки.

Что же касается образа самого

лейтенанта Шмидта, то он представляет собой серьезную удачу заслуженного артиста РСФСР В. Андреева. Актер создает характер человека скромного, деликатного, даже тихого. Любовь входит в его жизнь, как праздник, безоглядно захватывает его. Но у этого тихого человека оказывается кремневый характер, несгибаемое мужество. Ни жестом, ни интонацией не подчеркивает Андреев героизм Шмидта — все в нем просто, все обычно. Актер раскрывает внутренние истоки героизма. Они — в кристальной чистоте и чистоте Шмидта, в той бескомпромиссности, которая не позволяет ему идти на какие бы то ни было сделки с совестью.

Если конфликт между чувством и долгом является силой, испытывающей характер Шмидта на прочность, то встреча Виринея (героини одноименной драмы Л. Сейфуллиной и В. Правдухина) с любовью выявляет лучшие ее черты и помогает приобщиться к революции.

Ставя спектакль о событиях социалистической революции в деревне, вахтанговцы, естественно, не могли ограничиваться задачей реставрации собственной постановки, осуществленной ими более сорока лет назад. Стремясь прочитать старую пьесу по-новому, исходя из задач и потребностей нынешнего

[Окончание на 4-й стр.]

13 января 1968 г.

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

3 стр.